

Е.А. Салиас

**Собрание сочинений графа Е.
А. Салиаса**

Том 27. Змей-Горыныч

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е.А. Салиас**
Собрание сочинений графа Е. А. Салиаса: Том 27. Змей-Горыныч / Е.А. Салиас – М.: Книга по Требованию, 2015. – 193 с.

ISBN 978-5-458-52666-1

ISBN 978-5-458-52666-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

И Анисья двинулась далѣе. Съ полдюжины ребятшекъ проводили ее, а затѣмъ стали отставать, когда она дошла до сельскаго храма. Здѣсь тоже было тихо. Заглянувъ въ маленькій палисадничекъ у дома священника, Анисья увидала хорошенькую бѣлокурую дѣвочку лѣтъ шести, сидѣвшую у кучки песка и дѣлавшую изъ мокраго песка гречневики, блины и лепешки.

— Золотая моя! окликнула дѣвочку женщина.— Не видала ты Царочку? Не забрела ли она къ вамъ во дворъ?

— Нѣтъ, не видала! отозвалась дѣвочка звонкимъ голоскомъ, но тотчасъ вскочила и подбѣжала къ плетню, который отдѣлялъ палисадникъ отъ поля.— А ты ее ищешь! прибавилъ ребенокъ и личико его приняло серьезное выраженіе.

— Ищу, Липочка, ищу! Которое время ищу! Просто бѣда! И ума не приложу! Да вѣрно ли не бывала она у васъ? Погляди-тко во дворъ у васъ.

— Сейчас! воскликнула дѣвочка и изъ палисадника перелѣзла во дворъ, но вскорѣ появилась на улицѣ за калиткой и объявила уже важно и тревожно:

— Нѣту, Анисья! Нигдѣ нѣту!

— Что за притча? Ахъ, ты, Господи! отозвалась Анисья и двинулась обратно по улицѣ.

Не прошла она и ста шаговъ, какъ пожилая баба вышла къ ней изъ избы съ вопросомъ:

— Слышать, Царочка пропала у васъ?

— Пропала! отозвалась женщина.— А что?

— Вотъ дѣло-то! А я думала, Оекла вретъ.

— Какое вретъ, пропала!

Анисья двинулась снова, но пока она проходила улицей и шла домой, почти черезъ каждую избу кто-либо опрашивалъ ее. Вѣсть о томъ, что Царочка пропала, мигомъ облетѣла все село. Съ барскаго двора уже вышелъ молодой и очень пригожій лакей Егоръ и шелъ навстрѣчу Анисьѣ. При видѣ его женщина крикнула:

— Нашлась, что-ли?

— Нѣту, какое! крикнулъ онъ.— Глафира Ефимовна меня послала искать. Господа въ безпокойствѣ!

И, подойдя, лакей прибавилъ:

— Барыня на тебя сердита страсть! Говорить, ты не доглядѣла. Глафира Ефимовна хотѣла заступиться, такъ куда тебѣ! Пуще осерчала.

— Ахъ, ты, Господи! воскликнула Анисья.— Не доглядѣла! Что же я могу, когда она шататься стала. Кто же съ ней что подѣлаетъ? Будь она, вотъ къ примѣру, собака что ли, такъ взяла бы кнутъ да и отстегала ее. Ну, вотъ и знала бы. А съ ней что же подѣлаешь? И пристращать-то нельзя! Третьевоность ушла въ поле, я ее уже за садомъ поймала. А нонѣ вотъ сгинула!..

Въ ту же минуту въ воротахъ барскаго двора показалась пожилая и толстая женщина и крикнула:

— Наплась, что ли?

— Нѣту, откликнулась Анисья.

Пожилая женщина покачала головой и скрылась въ воротахъ.

— Должно, барыня выслала спросить? сказалъ лакей.

Въ ту же минуту Анисья услышала чей-то голосъ. Она обернулась и увидала мальчугана, бѣгущаго по улицѣ отъ церкви прямо къ ней. Это былъ сынишка дьячка.

— Что! У васъ, что ли? крикнула Анисья.

Мальчуганъ подбѣжалъ и, запыхавшись, проговорилъ:

— Тятя говоритъ, проходимши, видѣлъ Царочку за заборомъ у сада, гдѣ дырка. Стало, тамъ и ищи!

— Я же эту дырку вчера съ задѣлала! отозвалась Анисья.

— Видѣлъ тятка, велѣлъ тебѣ сказать.

— Плохо, стало, задѣлала, ахнула женщина,—воли она пролѣзла.

Анисья, Егоръ и дьячковъ мальчуганъ втроемъ обошли усадьбу и вышли въ поле, вдоль забора сада. Но въ то время, когда на улицѣ уже начиналось маленькое смѣненіе между старухами, дѣвками и ребятишками, которыя сходились и горячо толковали о происшествіи, въ саду раздался громкій голосъ:

— Здѣсь! Здѣсь!

Затѣмъ на дворѣ повторилось:

— Наплася!..

И та же вѣсть мигомъ передалась на село и молніей достигла даже домика священника. Маленькой дѣвочкѣ, игравшей въ пескѣ, кухарка заявила тотчасъ:

— Царочка-то наплася!

Анисья и Егоръ съ радости перелѣзли черезъ заборъ въ садъ и кричали:

— Гдѣ? Гдѣ?

Другой голосъ въ аллеѣ кричалъ: Здѣся! Здѣся! Сюда! Сюда! Бери. Неси къ барынѣ! Барыня приказала.

Черезъ нѣсколько мгновеній Анисья бережно несла въ рукахъ почти крошечную бѣленькую курочку - цецарку, а за ней двигалось человѣкъ пять. Курочку несли на осмотръ барынѣ, чтобы убѣдиться, что съ ней ничего худого не приключилось.

Цецарка была получена еще маленькимъ цыпленкомъ и ее всѣ хорошо знали и особенно «уважали». Извѣстіе, что цецарка нашлась, успокоительно подѣйствовало на все село. Когда сельскій батюшка, отецъ Иванъ, проснулся послѣ обѣденнаго отдыха, ему тотчасъ же доложили:

— Царочка барынина пропадала. Но уже нашлась!

Село Уютное было полною глушью. Настоящее трущобное мѣсто. Сосѣдей, въ извѣстномъ смыслѣ, то-есть настоящихъ дворянъ-владѣльцевъ по близости не было. Маленькія новыя усадьбы, разсыпанныя кругомъ, верстахъ въ пяти, семи или десяти, принадлежали теперь всякаго рода новымъ людямъ, разночинцамъ. Ближайшій сосѣдъ былъ купецъ, имѣвшій мелочную лавку въ городѣ; другой, тоже близкій, былъ Нѣмецъ, плохо говорившій по-русски, третій былъ старикъ ветеринаръ въ отставкѣ. Помимо нихъ были только дальніе сосѣди, такіе же разночинцы, и затѣмъ разныя деревушки, большая часть которыхъ принадлежала самому крупному мѣстному помѣщику, князю-богачу. Но до самой родовой его вотчины, села Вознесенскаго, было верстъ двадцать.

Изъ села Уютнаго шла только одна дорога или проселокъ въ сосѣднее село за двѣнадцать верстъ, принадлежавшее государственнымъ крестьянамъ, причемъ она верстахъ въ четырехъ отъ села пересѣкала широкую и торную дорогу, шедшую изъ большой вотчины въ уѣздный городъ. Съ противоположной стороны, за церковью, дороги никакой не было, а лишь вилась узкая, заросшая травой, колея, по которой полями среди хлѣба можно было кое-какъ добраться до деревушки Волынки версты за двѣ, и гдѣ было всего дворовъ пять-шесть... Волынка была извѣстна лишь тѣмъ, что принадлежала съ незапамятныхъ временъ знаменитому дворянскому роду, и за сто лѣтъ не видала никого изъ своихъ господъ-владѣльцевъ. При томъ около двад-

цати лѣтъ сподрядъ мужики вовсе не платили оброка. Господа очевидно забыли, «потеряли» Волынку въ своихъ бумагахъ. Староста, возившій оброкъ кому-то въ какой-то городъ, вдругъ умеръ, новый не зналъ куда ѣхать и къ кому, а запросовъ не было. И, благодаря Бога, за эти двадцать лѣтъ крестьяне справились, живя какъ у Христа за пазухой, выстроились заново, завели и скотинку на славу. Лѣтъ за десять до освобожденія баринъ разыскался самъ и сталъ вымогать недоимку свою за все время, что Волынка «пропадала безъ вѣсти». Ко дню освобожденія крестьянъ деревушка была снова убогая и разоренная и теперь только, много лѣтъ спустя, начинала опять справляться, благодаря «волѣ».

Въ этихъ предѣлахъ, гдѣ цѣлая деревня могла «пропадать», было и Уютное и, будучи не далеко отъ дороги между самою богатою вотчиной окружности и уѣзднымъ городомъ, отстоящимъ, однако, верстъ за пятьдесятъ, оно оказывалось все-таки захолустьемъ, потому что было «на отшибѣ», а не на пути.

Усадьба и село получили названіе Уютнаго невѣдомо и Богъ вѣсть когда, еще при императрицахъ Россійскихъ, какъ говорили сами владѣльцы. Для такого названія когда-то была причина, теперь невидимая и не существующая... Со стороны глубокаго оврага и за нимъ былъ когда-то на трехъ десятинахъ густой лѣсокъ изъ однихъ дубовъ... Какovy были эти дубы и сколько было имъ лѣтъ, оказалось лишь тогда, когда пріѣзжій купецъ предложилъ за нихъ помѣщику огромныя деньги. Помѣщикъ согласился на продажу, потому что на эту сумму могъ купить себѣ большую землю по сосѣдству, дающую доходъ. Все было срублено, сбито, а помѣщикъ прозвалъ вновь купленное имѣніе «Дубки». Но положеніе усадьбы, прикрытое съ двухъ сторонъ вѣковыми дубами, было уже не уютное положеніе, а простое среди полей и «на юру».

Теперь усадьба имѣла видъ родовой и старинной вотчины только благодаря саду съ вѣковыми аллеями и съ десяткомъ дубовъ, симметрично стоящихъ близъ дома и говорящихъ ясно, что они посажены деревьями. Когда? Кѣмъ? Никто не зналъ. Знали только всѣ, и господа, и крестьяне, что Уютное было и споконъ вѣка вотчиною господъ дворянъ Бакатовыхъ. Девяностолѣтній дѣдъ Савинъ съ гордостью вспоминалъ и говорилъ, что, будучи «махонькимъ», былъ однажды «выпоротъ саморучно» старымъ баринкомъ Бакатовымъ, Семеномъ Андреевичемъ. А свекра барыни нынѣшней владѣльцы звали по батюшкѣ «Ива-

ничемъ». Кто же и когда былъ Семеновъ Андреевичемъ? Барыня говорила, что слышала отъ покойнаго мужа, что этакъ «полагать стать» звался его дѣдушка.

II.

Бѣленькую курочку торжественно принесли къ барынь. Впереди шла Анисья, бережно неся цецарку въ двухъ рукахъ, а за нею шель красивый Егоръ и еще трое дворовыхъ, неизвѣстно зачѣмъ.

Барыня, Марья Матвѣвна, сидѣвшая на терасѣ у накрытаго стола за самоваромъ, обрадовалась, такъ какъ уже съ четверть часа тревожилась, куда могла цецарка дѣваться? Впрочемъ, довольства на ея лицѣ прочесть было нельзя. Почти шестидесятилѣтняя женщина за всю свою жизнь съ молодости никогда не смѣялась и не болѣе раза въ мѣсяцъ улыбалась.

Энергичная, холодная, почти суровая, Марья Матвѣвна была въ своего отца, героя двѣнадцатаго года, отличившагося и извѣстнаго какъ своею личною храбростью, такъ и чрезвычайною жестокостью. Матвѣю Валеріановичу при жизни не было иного названія отъ его рабовъ какъ «людофдъ».

Марья Матвѣвна, давнымъ давно овдовѣвъ, покинула губернской городъ, гдѣ мужъ былъ на службѣ, пріѣхала въ село Уютное и прожила въ немъ почти безвыѣздно лѣтъ двадцать. Ея личное управленіе имѣніемъ выразилось тѣмъ, что теперь у нея земли было вдвое болѣе того, что было при мужѣ. Она слыла примѣрною хозяйкой.

Теперь, достигнувъ почти шестидесяти лѣтъ, сильно пополнѣвъ, она стала нѣсколько менѣе энергична, но еще лѣтъ семь тому назадъ съ апрѣля по сентябрь ее видѣли ежедневно на работахъ въ высокихъ сапогахъ, верхомъ на бѣговыхъ дрожкахъ съ арапникомъ въ рукахъ, въ сопровожденіи трехъ большихъ собакъ, и во всей окружности называли Бакатову молодцомъ-барыней, бой-бабой!

Дѣйствительно, въ Бакатовой было много мужского. Характерною чертой было между прочимъ и то, что она занималась хозяйствомъ и имѣніемъ вообще какъ мужчина; всякія соленья, варенья и тому подобное до нея не касались. Всего этого было, конечно, много въ домѣ, но про все это она говорила какъ бы мужчина.

— Это дѣло бабѣ! До меня не касается!

Лѣтъ съ десять назадъ сосѣдъ-ветеринаръ, крючокъ и истый ябедникъ, изъ-за межи довелъ дѣло до процесса въ судѣ. Марья Матвѣвна прожила цѣлый годъ въ волненіяхъ и часто ѣздила и въ уѣздный и въ губернской городъ. Кончилось все тѣмъ, что она выиграла дѣло, а весь губернской административный мѣръ долго послѣ этого помнилъ бой-бабу, помѣщицу, грозившуюся, что она не только до столицы или до сената, а до самого царя дойдетъ. И она бы дошла...

Троихъ дѣтей своихъ, двухъ сыновей и дочь, Марья Матвѣвна воспитала такъ, что и теперь, будучи уже взрослыми, они не только уважали мать, но прямо-таки бессознательно по привычкѣ боялись ея. Только старшій сынъ Матвѣй, долго не выходившій изъ повиновенія у матери, попалъ подъ вліяніе жены и кончилось тѣмъ, что получилъ часть имѣнія въ управленіе и, уѣхавъ, зажилъ самостоятельно и отдѣльно со своею семьей, верстахъ въ пятнадцать отъ Уютнаго. Младшій сынъ Валеріанъ былъ на службѣ въ армейскомъ гусарскомъ полку близъ Москвы и разъ въ годъ навѣзжалъ.

Дочь уже около шести лѣтъ жила у матери со своею единственною дочерью, теперь семнадцатилѣтнею дѣвушкой. Вѣра Андреевна Мирская, тоже вдова, была старше обоихъ своихъ братьевъ и почти приближалась уже къ сорока годамъ, но поражала несоотвѣтствіемъ своей фигуры съ годами. Мирской казалось лѣтъ на десять меньше. Всѣ, узнавая впервые, что хорошенькая, бѣлокуренькая Соня, дѣвушка-невѣста, дочь Мирской, изумлялись и не хотѣли вѣрить или же говорили шутя:

— Что же вы двѣнадцати или десяти лѣтъ, что ли, замужъ вышли?

Дѣйствительно, Сонѣ было семнадцать, а ея матери казалось менѣ тридцати.

Когда-то Марья Матвѣвна выдала свою единственную дочь замужъ въ полномъ смыслѣ слова насильно. Ей еще не минуло полныхъ семнадцати лѣтъ, а появившемуся жениху, чиновнику, статскому совѣтнику, тщательно обриту и лысому, было около пятидесяти.

Не было человѣка, который тогда не пожалѣлъ бы красивой, даже красавицы, Вѣриньки, которую мать невѣдомо почему уpekла за типическаго предсѣдателя гражданской палаты, жизнь котораго вся прошла въ разбирательствѣ ябедъ, кляузъ и всякихъ судейскихъ крючковъ.

— Дарового ходатая по дѣламъ хочетъ видно завести, говорили знакомцы.

Разумѣется, Вѣра Андреевна не извѣдала счастья и почти ничего не извѣдала, такъ какъ мужъ, страшно ревнивый, держалъ ее почти взаперти. Онъ устранялъ отъ жены всячески не только мужчинъ, но даже и женщинъ, не только сверстницъ, но и пожилыхъ или старухъ, такъ какъ и эти послѣднія якобы могли повліять дурно на молодую женщину, подавъ ей дурной совѣтъ.

Проживъ съ мужемъ по счастью только десять лѣтъ, Вѣра Андреевна овдовѣла и вздохнула свободно. Она поселилась въ Москвѣ съ дочерью и какъ вырвавшаяся на волю птица или какъ институтка, кончившая курсъ, она окунулась во все, что могли ей дать Москва и независимыя средства. Но не болѣе какъ въ четыре года Вѣра Андреевна разсорила все оставшееся послѣ мужа состояніе, хотя и небольшое, но могшее дать возможность жить доходомъ и самостоятельно. И поневолѣ должна была явиться на житѣ къ матери.

И послѣ затворнической жизни при мужѣ въ городѣ и обществѣ она снова зажила такою же затворническою жизнью въ селѣ Уютномъ. Только четыре года были лучомъ свѣта въ ея жизни, и теперь она не раскаивалась, что успѣла хоть немножко пожить. Наоборотъ, она тайно раскаивалась, что, веселясь ребяческимъ образомъ въ Москвѣ, она мало воспользовалась своею свободой, такъ какъ вела себя безупречно, и, несмотря на свою красоту, несмотря на изрядное количество обожателей, не сдѣлала ни одной ошибки.

Она мечтала за это время выйти вторично замужъ, но это не удалось. И теперь она вновь очутилась въ томъ же положеніи, въ какомъ была при мужѣ, если не въ худшемъ. Тогда она была все-таки съ мужемъ въ обществѣ хотя изрѣдка, а теперь сидѣла въ трущобѣ.

Такое прошлое женщины наложило на нее особый отпечатокъ. На ея красивомъ лицѣ была печать грусти. Она точно такъ же, какъ и ея мать, рѣдко улыбалась и во всякомъ случаѣ улыбка ея была почти горькая, взоръ всегда задумчивый, подчасъ совсѣмъ грустный. На видъ она казалась женщиной холодною и спокойною, въ дѣйствительности же это было существо, въ которомъ весь огонь молодости не былъ растроченъ, былъ лишь заглушенъ.

Она ко всему на свѣтѣ относилась ровно и спокойно, но какъ будто постоянно была занята и даже поглощена чѣмъ-то инымъ, неизмѣющимъ ничего общаго съ окружающимъ. Она жила въ домѣ матери такъ, какъ если бы пріѣхала на время и собиралась всякій день выѣхать. Къ дочери, которую она любила, она все-таки относилась такъ же, какъ и ко всѣмъ: сдержанно и безстрастно. А между тѣмъ въ ней было, конечно, больше страсти и огня въ ея годы, чѣмъ въ ея дочери, молоденькой дѣвушкѣ.

Разумѣется, она донельзя томилась среди однообразія и тишины этой жизни. Задумываясь, она иногда по цѣлымъ часамъ сидѣла недвижно, не сознавая окружающаго. Но о чемъ она думала, гдѣ витали ея мысли, какія грезы и мечты роились въ головѣ, никто не зналъ.

— И о чемъ это ты, Вѣра, можешь все думать? говорила ея мать.—О покойномъ супругѣ думать не можешь, такъ какъ никогда его не любила и жалѣть не можешь. Неужто же въ твои годы ты все думаешь о томъ, какъ бы тебѣ еще попрыгать?

Вѣра отвѣчала матери, что сама не знаетъ, о чемъ думаетъ, или что ни о чемъ не думаетъ.

Молоденькая Соня, обожавшая свою мать, часто, случалось, тоже допытывалась, о чемъ можетъ она думать такъ тоскливо, но тоже получала въ отвѣтъ:

— Ни о чемъ... Такъ!

Изрѣдка, улыбаясь насильно, она прибавляла:

— Скучно, Соня, на свѣтѣ жить!.. Какъ будто и не стоитъ того.

Теперь въ домѣ стало немножко какъ бы веселѣе. Всѣ слегка оживились. Причиною было то, что ожидали въ Уютное пріѣзда младшаго Бакатова, который долженъ былъ явиться почти на все лѣто и вдобавокъ не одинъ. вмѣстѣ съ нимъ долженъ былъ пріѣхать товарищъ по полку и его первый другъ.

Отъ появленія и пребывания двухъ молодыхъ людей, изъ коихъ одинъ былъ совершенно чужимъ человѣкомъ, должно было, конечно, все оживиться. Марья Матвѣевна радовалась пріѣзду любимца-сына, который бывалъ не каждый годъ и бывалъ ненадолго, но старухѣ не нравилось отчасти, что съ нимъ пріѣдетъ его другъ, и потому собственно, что онъ по имени Болеславъ, а по вѣрѣ католикъ, то-есть не русскій, а полякъ.

Въ ожиданіи гостей мать и дочь часто бесѣдовали на эту тему, а къ нимъ присоединялась и внучка. Марья Мат-

вѣвна почему-то была убѣждена, что всѣ поляки люди хитрые, двуличные и даже почти опасные. Но доказать своего положенія она не могла, ибо въ жизни своей ни одного поляка не знавала.

Валеріанъ Бакатовъ давно извѣстилъ мать о своемъ пріѣздѣ и о томъ, что пригласилъ на лѣто своего близкаго друга, даже родного по чувству, ихъ соединяющему. Онъ собирался быть вскорѣ; но съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе мѣсяца. И только недавно пришло новое письмо, въ которомъ Валеріанъ говорилъ, что былъ задержанъ дѣломъ и надѣется черезъ недѣлю выѣхать.

Въ томъ же письмѣ онъ просилъ устроить его вмѣстѣ съ другомъ не въ домѣ, а во флигелѣ, что будетъ и удобнѣе, и приличнѣе, такъ какъ его другъ, котораго онъ зоветъ Болька, ему близокъ какъ родной братъ, а для нихъ, трехъ женщинъ, совершенно чужой человѣкъ.

По описанію Валеріана Марья Матвѣевна, ея дочь и внучка уже заранѣе нарисовали себѣ портретъ будущаго гостя. Онѣ ожидали человѣка уже не молодого, лѣтъ за тридцать, степеннаго, лѣниваго, тихаго характеромъ и поглощеннаго своею страстью, рисованіемъ.

Валеріанъ писалъ, что у его друга такой талантъ, что еслибъ онъ занимался серьезно, то изъ него выпелъ бы перво-классный художникъ.

Марья Матвѣевна распорядилась, и большой флигель былъ давно очищенъ, заново отдѣланъ, мебелированъ, и все было въ порядкѣ, ожидало гостей. Отъ нечего дѣлать теперь не только Соня, но даже и ея бабушка изрѣдка заглядывали во флигель, чтобы посмотрѣть нѣтъ ли въ чемъ промаха, можетъ-быть чего-либо не хватаетъ.

Но опасенія были напрасны. Понемножку все во флигелѣ пришло въ такой видъ, что и придумать было нельзя, что еще туда всунуть. Вѣра Андреевна, заявившая матери, что она когда-то видѣла однажды у художника въ рабочей комнатѣ зеленыя занавѣски, къ удивленію своему черезъ нѣсколько дней увидѣла на двухъ окнахъ флигеля то, что сказала.

Одновременно съ пріѣздомъ младшаго сына Бакатовой обѣщался пріѣхать на нѣсколько дней и старшій сынъ, но, какъ всегда, безъ жены.

Клеопатра Таріеловна Бакатова, изъ кавказскихъ княженъ родомъ, была женщина умная, дѣльная, добрая и не строп-

тивая. Между тѣмъ, не ужившись съ свекровью, она добилась того, что поселилась съ мужемъ и дѣтьми самостоятельно, и все-таки упрямо продолжала относиться къ свекрови почти враждебно. «Объ упрямыцы страшныя!» говорили сыновья и дочь.

Марья Матвѣевна первая однако уступила и давно махнула на невѣстку рукой. Единственное, что она позволяла себѣ теперь нѣсколько полусурово, полуядовито называть дѣтей сына, своихъ родныхъ внучатъ, которыхъ было уже трое, всегда однимъ и тѣмъ же прозвищемъ: «кавказчата»!

Когда она узнавала, что кто-либо изъ мальчугановъ какъ-нибудь напалиль, то она объясняла:

— Что же съ него требовать? Вѣдь онъ кавказченокъ!

Иногда, впрочемъ, случалось Марьѣ Матвѣевнѣ выражаться и рѣзче:

— Ну, подростутъ эти кавказчата, станутъ съ усами, не желала бы я съ ними въ одномъ домѣ жить и глазъ на глазъ оставаться! Они и бабушку, какъ курицу, зарѣзать могутъ. Не даромъ всѣ ихъ дѣдушки и прадѣдушки и ѣли, и спали, и Богу молились съ кинжалами за поясами. Да еще невѣдомо христіане ли были они. Вѣриѣ, что мохамеды, по-нашему Татаре.

Вѣра Андреевна была почти дружна съ невѣсткой и вѣроятно по той причинѣ, что Клеопатра входила въ положеніе золовки, понимала ее, сочувствовала ея злой судьбѣ, горькой въ прошедшемъ, а въ будущемъ безразсвѣтной...

— Поздно надѣяться... грустно говорила Вѣра.

— Нѣтъ, нѣтъ... Зачѣмъ? Не поздно. Тебѣ не поздно. Посмотри на себя, какая ты еще прелестная. Никто не повѣритъ сколько тебѣ лѣтъ. Будь я мужчина, сейчасъ бы въ тебя влюбилась.

И эти слова Клеопатры сладко западали въ душу Вѣры, подогрѣвали надежды и грезы...

III.

Часу въ четвертомъ, проснувшись послѣ обѣденнаго отдыха, уютинскій священникъ вышелъ по обыкновенію въ палисадникъ, гдѣ всегда пилъ чай.

Отецъ Иванъ былъ извѣстенъ чуть не во всемъ уѣздѣ по одной лишь причинѣ, что былъ характернымъ олицетвореніемъ